

DOI: 10.15643/libartrus-2019.1.2

О принципах формообразования сфер бытия в формальной онтологии Р. Ингардена

© Д. Р. Штыков

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119192 г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, 4.*

Email: dshtikov@gmail.com

Статья посвящена анализу вопроса о конституировании регионов бытия и их структуре на материале формальной онтологии Р. Ингардена. Для этого рассматриваются главные принципы, лежащие в основе формообразования различных предметных областей: родовое единство и бытийная взаимосвязь. Результатом исследования становится заключение Ингардена о том, что реальность включает в себя самостоятельные и несводимые к какой-то одной предметной области регионы, что действительность является по своей природе многослойной, что мир оказывается совокупностью самостоятельных элементов, связанных между собой причинными отношениями. Особую актуальность данный вывод получает в контексте полемики Ингардена с Гуссерлем по вопросу экзистенциального статуса реального мира и способа его бытия.

Ключевые слова: *область бытия, наивысший материальный род, конститутивная природа, родовое единство, бытийная взаимосвязь.*

Одна из идей неклассических теорий онтологии заключалась в представлении об иерархичности бытия, существовании различных модусов, слоев и регионов бытия. Здесь можно вспомнить концепцию «критической онтологии» Н. Гартмана, который настаивал на необходимости принимать во внимание «многослойность» бытия. Среди задач «новой онтологии» он называл изучение различных слоев бытия, рассмотрение их устройства, объяснение того, как они связаны между собой. Другим примером реализации данной идеи стала феноменологическая философия. Благодаря феноменологическому методу появилась возможность исследовать различные регионы бытия, каждому из которых соответствовала, по словам Э. Гуссерля, своя «региональная онтология». Построением собственной онтологии региона занимались многие представители феноменологического движения. К примеру, М. Шелер создал феноменологию ценностей, А. Райнах – феноменологию права, а Х. Мартиус посвятила свою работу онтологии реального бытия.

В этом же направлении развивал свои идеи и Р. Ингарден, ученик Гуссерля. Он полагал, что мир состоит из различных предметных регионов: области идеального бытия, сферы реального и интенционального существования [7, с. 172]. При этом главным пунктом при анализе различных сфер бытия для Ингардена было положение об их экзистенциальной и формальной несводимости к какому-либо одному региону существования. Особенно это касалось вопроса об отношении реального и интенционального бытия. Это был принципиальный для Ингардена момент, который он отстаивал в полемике со своим учителем уже начиная с 1918 г., времени, когда Ингарден в так называемом «идеалистическом» письме Гуссерлю сформулировал первые наброски к своей будущей онтологической концепции. С точки зрения Ингардена, «трансцендентальный поворот» Гуссерля привел к тому, что сначала реальное бытие («Идеи I»), а затем и идеальное бытие («Формальная и трансцендентальная логика») были

сведены к зависимому от чистого сознания интенциональному существованию. Вследствие этого феноменологическое изучение различных регионов бытия и их предметов превратилось в анализ процессов конституирования чистым сознанием отдельных предметностей и целостных сфер бытия.

В качестве ответа на идеалистическую тенденцию гуссерлевской трансцендентальной феноменологии Ингарден представил свой проект «реалистической» онтологии, изложенный им в работе «Спор о существовании мира» (1947–1948 гг.). Главная цель Ингардена заключалась в том, чтобы показать, что каждый из бытийных регионов отличается особым экзистенциальным статусом, характерным для себя формальным устройством и совокупностью присущих ему материальных качеств. Все это, согласно Ингардену, должно было в итоге свидетельствовать о самостоятельном и нередуцируемом существовании каждого региона бытия. Экзистенциальному вопросу об отношении между идеальным, реальным и интенциональным существованием был посвящен первый том «Спора». Второй том, состоящий из двух частей, касался формальной проблематики. Наконец, третий том, который так и не был написан Ингардену, должен был содержать изучение материальных аспектов отношений между предметными регионами.

С учетом контекста полемики Ингардена с Гуссерлем по проблеме бытийного статуса мира и обоснованности сведения реального (и идеального) бытия к интенциональному существованию в этой статье будет представлено рассмотрение вопросов формального характера, которые были поставлены во второй части второго тома «Спора» под названием «Формальная онтология: мир и сознание». В частности, речь пойдет о следующих проблемах: Что представляют собой элементы области бытия? Какие условия должны быть выполнены, чтобы множество отдельных предметов можно было отнести к конкретному региону? Чем объясняется единство того или иного региона? Что определяет его границы? Как связаны между собой сферы бытия? Полученные на данные вопросы ответы, по замыслу Ингардена, должны составить основу для доказательства многослойности действительности и несводимости реального и идеального бытия к интенциональному существованию.

Для начала необходимо установить, что собственно понимает Ингарден под «областью бытия». Согласно определению, сфера бытия – это некоторое множество индивидуальных элементов, которое в формальном отношении представляет собой экзистенциально производный предмет более высокого порядка, чем входящие в него компоненты. Другими словами, область бытия – это суммативное целое, образованное на основании частей в виде экзистенциально самостоятельных и индивидуальных предметов. Там и только там можно выделить предметную область, указывает Ингарден, где имеется «множество бытийно самостоятельных предметностей, которые лежат в ее основе и в определенной степени входят в нее» [4, с. 100].

Однако не всякое множество предметов может быть представлено как сфера бытия. Для этого необходим конституирующий принцип, способный превратить множество индивидуальных предметов в единую область бытия. Таким принципом, согласно Ингардену, является «род». «К сущности сферы бытия относится то, что все принадлежащие к области (изначально индивидуальные) предметы подпадают под наивысший род» [4, с. 206]. Род Ингарден трактует как «абстрактный, в природе данных предметов заключающийся и всех их объединяющий момент» [4, с. 101]. Благодаря ему предметная область оказывается внутренне единооб-

разным и от других сфер бытия отграниченным по родовому признаку целым. При этом, уточняет Ингарден, речь идет о наивысшем, материально определенном родовом моменте. «Настоящее родовое понятие есть всегда через *материальный* момент определенное понятие» [4, с. 104]. Соответственно конституирование сферы бытия основывается на «наивысшем, материально определенном роде» входящих в нее предметов, а не на их способе бытия или предметной форме.

Чтобы прояснить понятие наивысшего материального рода, Ингарден использует другую категорию формальной онтологии – конститутивную природу предмета, которая устанавливает, какой системе родов подчиняется предмет [7, с. 411]. Конститутивная природа в этом случае трактуется как качественное синтетическое единство взаимосвязанных моментов $a_1, a_2, a_3, \dots, a_n$. В результате этого природа предмета N определяет систему родов $A_1, A_2, A_3, \dots, A_n$, среди которых род A_n , конституируемый через момент a_n , является материально определенным, наивысшим родом для соответствующего предмета. При этом каждый из родов A_1, A_2, A_3 также конституируется через содержащийся в природе предмета N момент a_1, a_2, a_3 . В итоге всякому предмету присуща система родов, которой он подчиняется. Среди них, в свою очередь, находится «наивысший, материально определенный род», который в качестве конституирующего принципа превращает множество тождественных по своей конститутивной природе индивидуальных предметов в единое родовое целое, т.е. сферу бытия. Вопрос об общности области бытия решается, делает вывод Ингарден, на «основе материального определения ее элементов», а именно: с учетом основополагающего материального момента их природы [4, с. 111]. Формирование единой области бытия из некоторого множества изначальных предметов вытекает из их природы. В целом конститутивная природа индивидуального предмета выполняет «роль онтологического основания наивысшего рода реального объекта», а также основу для особого типа взаимосвязи принадлежащих конкретной области вещей [9, с. 290].

Другим важным составляющим фактором формообразования предметной сферы является «бытийная взаимосвязь» ее элементов. С учетом этого Ингарден выделяет область, конституирование которой зависит в первую очередь от отнесения элементов к одному наивысшему материальному роду, а также сферу, где элементы – наряду с родовым единством – связаны разного рода бытийными отношениями. Так, к первому типу принадлежит регион идеальных предметностей, ко второму – реальных предметов. Сфера идеальных предметностей возникает на основе «качественной однородности ее конститутивных элементов, особенно, когда они принадлежат к наивысшему, материально определенному роду» [9, с. 289]. Однако область бытия может основываться также и на бытийных взаимосвязях между ее конституантами, как в случае с регионом реальных предметов. Помимо того, что относящиеся к конкретной области предметы должны подпадать под один и тот же род, важно еще и то, прежде всего применительно к реальной сфере, что все относящиеся к ней предметы должны быть связаны друг с другом, к примеру, причинными отношениями. Их существование, с точки зрения Ингардена, имеет значение при формировании внутреннего единства реальной области бытия. «Среди различных сфер бытия особое место занимают те области и соответственно имеют для нас особую важность, элементы которых связаны между собой различными бытийными отношениями, особенно являются элементами единой системы каузальных отношений. Сферу бытия, в которой это происходит, я называю миром» [4, с. 124]. Мир, подчеркивает Ин-

гарден, простирается настолько, насколько простирается сеть причинно-следственных отношений [4, с. 391]. Благодаря им он является «внутреннее унифицированным целым», части которого соединены друг с другом таким образом, что для этого им не требуются никакие «синтетические интенциональные операции» [4, с. 149]. Последние, по словам Ингардена, не способны придать миру настоящее внутреннее единство, в основе которого лежит, с одной стороны, родовая общность предметов, вытекающая из их конститутивной природы, с другой – «плотная сеть» каузальных отношений, в которую «втянут» всякий реальный предмет. Таким образом, в отличие, к примеру, от Канта, полагавшего, что условием единства феноменального мира служит единство трансцендентального сознания, Ингарден считает, что единство внутренне присуще самой структуре мира. Оно зависит от лежащей в основе его элементов родовой общности, следовательно, их природы, и единой системы причинных отношений между ними [7, с. 410].

Что касается непосредственно самих элементов сферы бытия, то они являются изначальноными и индивидуальными предметностями, образующими ее фундамент [7, с. 409]. В формальном плане они представляют собой «строительный материал», из которого затем возникает множество производных предметов. Одним из таких производных предметов, как уже было сказано выше, оказывается сама сфера бытия. В экзистенциальном плане изначальноные предметности являются, с одной стороны, самостоятельными по своему характеру бытия вещами, т.е. такими вещами, существование которых, согласно определению Ингардена, не является необходимым (не вытекает из их сущности) совместным бытием вместе с другой предметностью в рамках одного целого. Тот факт, указывает Ингарден, что две предметности А и В могут быть связаны между собой, к примеру, причинно-следственными отношениями, не относится к их сущности, соответственно не отражается на их экзистенциальной самостоятельности.

С другой стороны, элементы сферы бытия зависимы друг от друга в экзистенциальном плане. Так, для предметной области вроде мира важно то, что «в результате существующих в ней бытийных взаимосвязей между элементами возникает внутренне связанное целое, в котором отдельные части более низкого или более высокого порядка хотя и являются самостоятельными по отношению друг к другу... но больше не являются независимыми друг относительно друга» [4, с. 130]. Это может относиться, например, к некоторым свойствам, которыми они обладают. Так, всякий существующий в мире реальный предмет оказывается относительно своих свойств экзистенциально зависимым от других находящихся в этом мире вещей и происходящих в нем процессов. Такого рода бытийную зависимость предмета Ингарден называет «восприимчивостью» к окружающему его миру. И наоборот, «невосприимчивые (абсолютно замкнутые) предметы» не принадлежат реальному миру. К ним относятся идеальные образования, в частности, математические предметности.

Кроме того, экзистенциально самостоятельными являются не только элементы сферы бытия, но и сама область в целом: она отличается самостоятельным существованием как по отношению ко всем остальным регионам, так и предметам, находящимся за ее границами. Во-первых, в той мере, в какой элементы области являются самостоятельными предметами, самостоятельным оказывается и само состоящее из них суммативное целое, т.е. сфера бытия. Во-вторых, если все элементы конкретного множества обладают самостоятельным бытием, то это означает, что между ними и всеми остальными элементами, принадлежащими другому множеству, существует дискретность. Соответственно предметная сфера, состоящая только

из совокупности своих самостоятельных элементов, сохраняет «формальную и экзистенциальную дискретность по отношению ко всем существующим за ее пределами предметам, т.е. является самостоятельной по отношению ко всем этим предметам» [4, с. 156]. Наконец, предметная область является внутренне единой (гомогенной), завершенной и от всех остальных предметных областей отграниченной. Все эти формальные признаки являются выражением ее экзистенциальной самостоятельности.

Далее, говоря о формальных различиях между предметными регионами, Ингарден указывает, что они связаны уже не столько с формой предметной сферы, сколько с ее элементами и их природой. Чтобы пояснить отличия между идеальной и реальной сферами бытия, Ингарден вводит понятие системы. Так, пишет он, структурированные множества (области бытия), отдельные элементы (или подмножества) которых не могут быть исключены из их состава, а также элементы которых друг по отношению к другу являются экзистенциально зависимыми и по отношению к которым, в свою очередь, несамостоятельной является область бытия, называются системой. Ингарден выделяет несколько типов систем. Во-первых, системы с конечным числом элементов. Их количество может быть указано на основе содержания конституирующей данную систему идеи (или рода) и перечислено благодаря определению моментов, которые конституируют отдельные элементы системы, т.е. предметное многообразие системы может быть исчерпано указанием ее отдельных элементов. Во-вторых, системы, где число элементов бесконечно и где существуют непрерывные переходы между конституирующими их моментами, так что «каждый такой момент образует границу (место в континууме) в многообразии качественных вариаций» [4, с. 174]. Системы с конечным и бесконечным количеством элементов Ингарден называет «строгими». Соответственно множество индивидов, принадлежащих к такой системе, называется строго определенным множеством. «Нестрогие» системы, в свою очередь, делятся на три вида: системы, к которым неприменимы оба выше-названных условия, относящиеся к определению строгих систем; системы, где можно указать, является или нет число элементов конечным или бесконечным, однако их множество не может быть исчерпано посредством определения конституирующих их моментов; наконец, системы, в которых число отдельных элементов хотя и может быть исчерпано, однако число их указано не может быть.

Наряду с этим существует еще одна особенность, по которой могут различаться предметные регионы. Система, которая не образует с другой системой одно целое (т.е. не является частью более общей системы) и не включает в себя дополнительные множества разного рода предметов, является, согласно Ингардену, «компактной» предметной сферой. Если при этом данная компактная система, как и все ее элементы, является строгой, тогда она называется «строгой» компактной предметной областью. Само условие, что предметная область, в свою очередь, считается строгой, зависит от того факта, является ли она компактной областью. Такого рода компактная и строгая сфера является самостоятельной и независимой от других областей.

От компактных сфер «некомпактные» («свободные») регионы отличаются в нескольких моментах. Во-первых, это может быть связано с тем, как упорядочены элементы: для компактной области в первую очередь характерен родовой порядок элементов, для некомпактной – каузальный порядок элементов.

Во-вторых, различие может заключаться в том, что «в компактной области все многообразие элементов и их родовых и видовых вариаций в итоге может быть сведено к ряду изна-

чальных *качеств*, несамостоятельных предметных (встречающихся в конститутивной природе элементов) моментов, из которых сущность всех предметов области... конституируется» [4, с. 184]. В отличие от этого в некомпактной области содержатся изначальные индивидуальные предметы, которые «составляют основополагающие факторы производства всех связанных через бытийные отношения предметов» [4, с. 185].

В-третьих, отличие компактной области от некомпактной может вытекать из самой сущности предметов. Сущностью Ингарден называет то, что позволяет отличить один индивидуальный предмет от другого, то, что является уникальным и индивидуальным в предмете. В этом случае элементам компактной области присуща «радикально точная сущность», согласно которой они могут обладать только лишь сущностными свойствами, между тем как элементы некомпактной сферы имеют либо «строгую сущность в умеренном смысле» (*im gemäßigten Sinne ein exaktes Wesen*), либо «чисто материальную», либо «простую» сущность, что позволяет им также приобретать новые свойства. Так, предметы, имеющие исключительно сущностные свойства, составляют сферу идеального бытия (компактную область), в то время как предметы, способные приобретать новые свойства, образуют регион реального бытия (некомпактную область).

Также Ингарден выделяет еще одну сферу бытия – интенциональную (гетерономную) область, к которой относится множество произведений искусства или множество разного рода ценностей – эстетических или моральных. Одно из основных отличий данного региона бытия от остальных сфер бытия касается входящих в него элементов. Во-первых, если элементами идеальной и реальной области являются бытийно автономные предметности, то интенциональная сфера включает в себя гетерономные (чисто интенциональные) предметности. Во-вторых, если совокупность реальных предметов может быть представлена как система взаимосвязанных элементов, то совокупность произведений искусств «состоит из множества друг от друга отделенных и в основе своей также изолированных индивидуальностей» [4, с. 213]. Художественное произведение есть всегда нечто индивидуальное, обладающее значением «особливого» и единственного в своем роде.

Поэтому в качестве структурообразующего принципа области искусства Ингарден использует понятие «ценности», а не категорию наивысшего, материально родового момента. Любой художественный объект есть выражение заложенных в нем эстетических ценностей. Его индивидуальность связана с некоторой ценностью. Как следствие, единство сферы искусства в целом, а также ее существование как отдельной области бытия наравне с другими основывается на принципе «отнесения к эстетическим ценностям», который не только позволяет привести единообразие в эту область, но и дает возможность сохранить ее элементам свою художественную ценность и уникальность.

Еще одно сущностное отличие интенциональной области бытия от реальной касается характера бытийной взаимосвязи между входящими в регион предметами. Если всякий находящийся в реальном мире предмет связан с окружающими его вещами (событиями, процессами и другими объектами) причинно-следственными отношениями, то между интенциональными предметами такого рода взаимосвязей не существует. Как пишет Ингарден, «необходимо отличать наличие каузальных отношений между элементами автономного мира от присутствия в сфере чисто интенциональных предметов *интенционально полагаемых* каузальных отношений» [4, с. 242]. Все, что существует в мире, «независимо от того, оказывается ли это предметом или только несамостоятельным моментом, должно составлять звено или

момент звена любой бытийной взаимосвязи. Это есть именно то, что отличает мир с бытийно автономными предметами от сферы чисто интенциональных предметностей» [4, с. 249]. Соответственно отношения, которые существуют между предметностями, образующими интенциональную «действительность», являются по своей природе лишь интенционально полагаемыми, в то время как причинно-следственные взаимосвязи между реальными предметностями присущи самой структуре мира.

Как следствие, другая важная черта интенциональной области – это ее релятивный характер бытия. Как с точки зрения своих отдельных элементов, так и в целом данная сфера является экзистенциально зависимой, с одной стороны, от интенциональных актов сознания, с другой – от реального мира. Возникновение художественного произведения непосредственно сопряжено с творческой деятельностью автора и с последующим его восприятием публикой, т.е. с интенциональной активностью участников художественной коммуникации. Однако для этого требуется посредник в лице реального носителя, в котором идея автора имела бы возможность воплотиться для осуществления художественной коммуникации между участниками эстетического процесса. Материальное основание как средство для «закрепления» интенционального содержания художественного произведения в реальном мире выполняет функцию презентации: в нем «произведение достигает самоданности» [4, с. 234]. Таким образом, произведения искусства, с одной стороны, всегда предполагают под собой направленную на них интенцию субъектов художественной коммуникации, с другой – они «связаны с определенным образом оформленными физическими предметами (физическими бытийными основания)», что позволяет сделать их доступными для восприятия и эстетического переживания [4, с. 218]. В акте же так называемой «интенциональной реконструкции» художественного объекта и его эстетического схватывания происходит переход от его реального основания к его интенциональному содержанию.

Данный переход от одного региона бытия к другому указывает на еще один существенный момент, относящийся к взаимосвязи предметных сфер бытия между собой. «Элементы области искусства, – отмечает Ингарден, – переплетаются многочисленными способами с некоторыми элементами реального мира» [4, с. 218]. Поскольку универсум состоит из разного рода регионов, то все они, несмотря на их экзистенциальные, формальные и материальные отличия, существуют вместе, соответственно пересекаются друг с другом. Основанием того, что две сферы могут пересекаться, служит, во-первых, тот факт, что предметы этих областей расположены таким образом, что «между некоторыми элементами сферы А располагаются некоторые элементы сферы В» [4, с. 225]. В этом случае элемент u (В) находится между элементами x (А) и z (А). Во-вторых, пересечение двух сфер основывается на том, что элементы сферы А (или некоторая их совокупность) связаны бытийными отношениями с элементами сферы В (или их совокупностью). Тип данных отношений, со своей стороны, зависит от сферы бытия и ее элементов. Также расположение элементов двух сфер относительно друг друга только потому является возможным, так как между ними существует бытийное отношение, которое «является фундаментальным фактом, из которого возникает особое расположение элементов двух предметных сфер» [4, с. 224]. Другими словами, тот или иной вид расположения элементов обусловлен конкретным видом бытийного отношения между ними. В итоге пересечение двух сфер бытия определяется экзистенциальным отношением между их элементами. «Это должно быть такое отношение, которое было бы в состоянии вызвать то особое расположение элементов двух миров, которые мы тут называем *пересечением*» [4, с. 229].

В качестве примера пересечения двух автономных (реальных) сфер, связанных между собой экзистенциальными отношениями, Ингарден указывает на тот случай, когда сфера В является выражением сферы А, в то время как А есть «выражаемое» через В. Такого рода отношение подразумевает определенное расположение элементов данных областей. «Если в мире А элементы x, y, z составляют члены бытийного отношения, а также, возможно, упорядочены во времени, тогда в мире В элементы x', y', z' , каждый из которых является “выражением” соответствующего элемента мира А, расположены в мире В аналогичным образом. В результате этого не только x' выражает x , но также вся последовательность x', y', z' выражает последовательность x, y, z . Порядок в мире А “отражается” в мире В» [4, с. 227].

Что касается пересечения автономной (реальной) и гетерономной (интенциональной) сферы бытия, то реальное и интенциональное бытие связаны между собой интенциональным отношением, которое обусловлено соответствующими интенциональными актами. При этом интенциональное отношение «не втягивает», как пишет Ингарден, интенциональную область в каузальную сеть реального мира, в результате чего между реальным и интенциональным бытием не возникает никаких причинно-следственных отношений. Благодаря актам сознания интенциональная область оказывается всего лишь «сопряженной» с реальной сферой, но никак не ее частью, что в итоге позволяет ей оставаться бытийно самостоятельной сферой универсума.

Еще один тип пересечения относится исключительно к интенциональным (гетерономным) по своему характеру областям бытия. В качестве примера Ингарден приводит сферу эстетических ценностей и сферу экономических ценностей, которые при определенных обстоятельствах пересекаются между собой. Так как произведения искусства воплощаются в физических предметах как средстве своего «закрепления» в реальном мире, «непосредственное восприятие которых в то же время доступно не всем людям... то их бытийный фундамент приобретает экономическую ценность и стоимость» [4, с. 241]. Соответственно в определенный момент произведение искусства способно стать «товаром», который можно будет купить или продать по той или иной цене, т.е. измерить его ценность. В результате этого художественному произведению, помимо эстетической ценности, присваивается и экономическая ценность, которая связана с материальным основанием эстетического предмета.

Подводя краткие итоги, следует отметить следующее. XX в. в истории философии ознаменовался возрождением исследовательского интереса к онтологической проблематике после длительного господства новоевропейской гносеологии. Будучи сторонником реалистической онтологии, Ингарден полагал, что феноменологическое исследование, следуя девизу «К самим вещам», должно сосредоточиться в первую очередь на изучении самой реальности и существующих в ней предметов, а не на том, как они познаются (иначе говоря, как они конституируются в сознании). Развивая идею неклассической онтологии о том, что бытие по своей природе многослойно, Ингарден указывал на то, что действительность состоит из различных, друг от друга отграниченных и несводимых к какой-то одной предметной области регионов: реального, идеального и интенционального существования. Особое внимание Ингарден уделил отличию реальной сферы бытия от интенциональной в контексте его полемики с Гуссерлем по вопросу экзистенциального статуса мира и сознания.

С историко-философской точки зрения, оригинальность подхода Ингардена состояла в разработанном им экзистенциально- и формально-онтологическом категориальном аппарате и способе, при помощи которого он пытался доказать тезис об онтологическом многообразии

бытия, выделив несколько важных структурных принципов, чтобы обосновать формальное различие между реальным и интенциональным бытием на уровне отдельных регионов. Так, в основе образования и существования единой области бытия лежит «реальное», а не «интенциональное» родовое единство элементов, единство, вытекающее из конститутивной природы самих предметов. Поэтому анализ структуры индивидуальных предметностей и образованных из них регионов бытия должен предварять исследование процесса их конституирования в чистом сознании. Также необходимо отличать «реальный» порядок вещей от «интенционального». В реальном мире элементы связаны между собой *действительными* бытийными взаимосвязями, прежде всего причинно-следственными отношениями, что в итоге обеспечивает единство и целостность и, как следствие, экзистенциальную самостоятельность и независимость мира. Кроме того, область реального существования и сфера интенционального бытия взаимосвязаны (говоря точнее, «сопряжены») между собой. Интенциональное существование само отчасти зависит от реального бытия как от своего материального основания, на которое в качестве исходного момента восприятия направлен акт сознания для дальнейшего схватывания уже непосредственно интенционального содержания предмета.

Таким образом, Гуссерль, согласно Ингардену, оставив без внимания несколько важных для структуры предметных регионов формальных принципов, необоснованно свел все реальное, а вместе с ним и идеальное бытие к интенциональному существованию. В отличие от этого Ингарден считал, что сфера бытия, которую принято именовать миром (реальным бытием), состоит из экзистенциально автономных и самостоятельных предметностей как первичных элементов, связанных между собой причинно-следственными отношениями, в то время как интенциональная область, напротив, как в отношении своих элементов (гетерономных предметностей), так и в целом является зависимой от интенциональных актов сознания, а связь между ее элементами является лишь интенционально полагаемой.

Литература

1. Chrudzimski A. *Roman Ingarden: Ontology from a Phenomenological Point of View. Reports on Philosophy*. 2004. Pp. 121–142.
2. Ingarden R. Bemerkungen zum Problem der Begründung // *Studia Logica*. 1962. Vol. 13. Pp. 153–176.
3. Ingarden R. *Der Streit um die Existenz der Welt*. Bd. II/1: Formalontologie: Form und Wesen. Tübingen: Max Niemeyer, 1965. 460 p.
4. Ingarden R. *Der Streit um die Existenz der Welt*. Bd. II/2: Formalontologie: Welt und Bewusstsein. Tübingen: Max Niemeyer, 1965. 405 p.
5. Haefliger G. *Über Existenz: Die Ontologie Roman Ingardens*. Dordrecht: Kluwer. 1994. 486 p.
6. Majewska Z. The Philosophy of Roman Ingarden // *Phenomenology world-wide: foundations, expanding dynamics, life-engagements: a guide for research and study. Analecta Husserliana*. Vol. 80. 2002. Pp. 184–199.
7. Poli R. Spheres of Being and the Network of Ontological Dependencies // *Polish Journal of Philosophy*. 2010. Vol. 4. No. 2. Pp. 171–182.
8. Rynkiewicz K. *Zwischen Realismus und Idealismus. Ingardens Überwindung des transzendentalen Idealismus Husserls*. Ontos Verlag. 2008. 669 p.
9. Tymieniecka A. Beyond Ingarden's Idealism/Realism Controversy with Husserl – The New Contextual Phase // *Analecta Husserliana*. 1976. Vol 4. Pp. 241–418.

Поступила в редакцию 09.01.2019 г.

После доработки – 16.02.2019 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2019.1.2

On the principles of the formation of spheres of existence in the formal ontology of R. Ingarden

© D. R. Shtykov

Moscow State University

27/4 Lomonosovsky Avenue, 119192 Moscow, Russia.

Email: dshtikov@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the question of regions of existence and their structure on the material of R. Ingarden's formal ontology. For this purpose, the main principles underlying the formation of various domains of objects are considered: genus unity and existential connectedness. The following questions are also considered: what are the elements of the realm of being? What conditions must be fulfilled for attribution of many individual items to a specific region? What explains the unity of a region? What determines its boundaries? How are the spheres of being connected? The result of the study is Ingarden's conclusion that the world includes independent and irreducible regions that are not reducible to any one subject area, that reality is inherently multi-layered, that the world is a set of independent elements interconnected by real causal relationships. This conclusion is especially topical in the context of Ingarden's controversy with Husserl on the question of the existential status of the real world and the way of its existence. According to Ingarden, Husserl disregarded several formal principles that are important for the structure of the subject regions and unreasonably reduced whole real being together with the ideal one to intentional existence. Ingarden, on the contrary, tried to show the realms of real and ideal being as interconnected phenomena and did not reduce one to the other.

Keywords: realm of being, the highest material genus, constitutive nature, genus unity, existential connectedness.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Shtykov D. R. On the principles of the formation of spheres of existence in the formal ontology of R. Ingarden // *Liberal Arts in Russia*. 2019. Vol. 8. No. 1. Pp. 24–33.

References

1. Chrudzimski A. *Roman Ingarden: Ontology from a Phenomenological Point of View*. *Reports on Philosophy*. 2004. Pp. 121–142.
2. Ingarden R. *Studia Logica*. 1962. Vol. 13. Pp. 153–176.
3. Ingarden R. *Der Streit um die Existenz der Welt*. Bd. II/1: Formalontologie: Form und Wesen. Tübingen: Max Niemeyer, 1965.
4. Ingarden R. *Der Streit um die Existenz der Welt*. Bd. II/2: Formalontologie: Welt und Bewusstsein. Tübingen: Max Niemeyer, 1965.
5. Haefliger G. *Über Existenz: Die Ontologie Roman Ingardens*. Dordrecht: Kluwer. 1994.
6. Majewska Z. *Phenomenology world-wide: foundations, expanding dynamics, life-engagements: a guide for research and study*. *Analecta Husserliana*. Vol. 80. 2002. Pp. 184–199.
7. Poli R. *Polish Journal of Philosophy*. 2010. Vol. 4. No. 2. Pp. 171–182.
8. Rynkiewicz K. *Zwischen Realismus und Idealismus. Ingardens Überwindung des transzendentalen Idealismus Husserls*. Ontos Verlag. 2008.
9. Tymieniecka A. *Analecta Husserliana*. 1976. Vol 4. Pp. 241–418.

Received 09.01.2019.

Revised 16.02.2019.